

ИРИОН ЗЕТ

ЖЕЛАННАЯ
для
ЧЕТВЕРЫХ

Ирион Зет

Желанная для четверых

«Литнет»

2026

Зет И.

Желанная для четверых / И. Зет — «Литнет», 2026

Я думала, что моя жизнь кончилась в сыром подвале, где нашла древний ларец. Я ошиблась. Он забрал меня из моего мира, дал новое тело, молодость — и четверых мужчин, которые называют меня своей истинной. Я должна снять их проклятия за месяц. Успею — останусь здесь, в их объятиях. Не успею — вернусь старой или исчезну. Но есть проблема: у меня всего три желания на четверых. А еще кое-что пострашнее: если я ошибусь и потрачу магию не на того, один из них навсегда останется проклятым. И я понятия не имею, какую цену на самом деле придется заплатить.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Пролог

За двадцать три года работы в уголовном розыске я выучила одну простую истину: если труп нашли в подвале, значит убийца либо очень спешил, либо очень хотел, чтобы тело нашли. А третий вариант, самый мерзкий - он просто играл со следователями, оставляя им послания в самых грязных и темных углах города, куда обычный человек не сунется без крепких нервов.

Этот подвал находился в заброшенном здании бывшего хлебозавода на окраине, куда я приехала в два часа ночи по вызову дежурного. Уже на лестнице, спускаясь по скользким бетонным ступеням, покрытым какой-то маслянистой жижей, я поняла, что сегодняшняя ночь будет долгой. Что кофе в термокружке, который я схватила на выходе, давно остыл и превратился в горькую холодную бурду, не способную ни согреть, ни взбодрить. Напарник Денис шел впереди, подсвечивая фонариком провалы между ступенями.

Внизу горела одна тусклая лампа без плафона, прикрученная проводом к ржавой трубе. Этого жалкого света хватало ровно на то, чтобы разглядеть грязные стены в потеках, битое стекло на полу и тело мужчины. Оно лежало на спине с руками, скрещенными на груди, словно покойника укладывал не убийца, а терпеливый санитар, привыкший к мертвецам. Я подошла ближе и сразу заметила главную странность: над грудью мужчины, в каких-то пяти сантиметрах над скрещенными руками, парил небольшой ларец, медленно вращаясь вокруг своей оси.

- Ты это видишь? - спросил Денис шепотом.

Я кивнула, слова застряли в горле. Реальность вдруг перестала подчиняться законам физики.

Ларец был сделан из черного дерева, покрытого тончайшей резьбой, и инкрустирован костью какого-то животного. Три печати из темного серебра скрепляли крышку, и каждая светила изнутри тусклым багровым светом. Денис протянул руку, чтобы потрогать ларец, но я перехватила его запястье.

- Может не надо, - остановила я его. - Дождемся экспертов.

- Эксперты придут через час, - ответил он, не отводя взгляда от мерцающего дерева. - А он что, так и будет висеть?

Я сама не знала почему, но через секунду моя собственная рука потянулась к ларцу, из простого женского любопытства. Мои пальцы коснулись печати, и в тот же миг мир исчез. Из ларца вырвались три черные жемчужины и впились в мою правую руку, вросли под кожу, и это было похоже на укус тысячи муравьев. Я погрузилась в черную патоку, которая затекала в уши, в нос, в рот, лишая возможности дышать и думать.

Глава 1

Когда я открыла глаза, надо мной висело небо с двумя солнцами. Тело мое изменилось, я поняла это когда увидела свои пальцы. Они стали длиннее и тоньше, ногти приобрели миндалевидную форму и бледно-розовый цвет. Мои настоящие ногти всегда были ломкими и квадратными. Я опустила взгляд ниже и обнаружила, что одета в тонкую льняную рубашку, распахнутую на груди, и длинную юбку из мягкой шерсти. Сквозь разрез виднелась моя грудь, которая в сорок три года уже потеряла упругость, а теперь выглядела так, словно мне снова восемнадцать - высокая, полная, с сосками цвета спелой вишни, затвердевшими от прохлады. Волосы упали на лицо тяжелой волной, и я провела по ним рукой от корней до самых кончиков - они доходили почти до пояса и были не моими обычными пепельно-русыми с проседью, а золотистыми, почти белыми, как лен, вымоченный на солнце.

- Ты первая, кто смог выжить, - раздался голос откуда-то слева, и я резко повернула голову.

Из леса, который начинался в нескольких шагах от меня, вышел мужчина. Он был высоким, под два метра ростом, и стройным. Его волосы, черные как вороново крыло, падали на плечи тяжелыми прядями, а глаза отливали расплавленным серебром. Я заметила, что в глубине этих глаз мерцали вертикальные зрачки, как у кошки или у хищной птицы.

- Кто ты? - спросила я.

- Тенеслав, - ответил мужчина, и его губы, тонкие и бледные, растянулись в подобии улыбки. - А ты - та, кого выбрал Ларец. Я чувствую жемчужины в твоей руке.

- Я не знаю, что это за Ларец и почему он выбрал меня, - сказала я, поднимаясь на ноги. Я с радостью ощутила новое тело, сильное и здоровое, без боли в пояснице и тяжести, которые мучили меня последние годы. - Мне нужно вернуться. У меня там труп, напарник, эксперты.

- Там, откуда ты пришла, уже нет ни трупа, ни напарника, ни тебя, - спокойно ответил Тенеслав, и его серебряные глаза впервые моргнули, как у рептилии. - Ты исчезла в своем мире, когда коснулась ларца. Теперь ты здесь, и обратной дороги нет, пока не исполнятся три желания. Одно желание уже использовано, - сказал Тенеслав, указав на одну потухшую жемчужину. - Ты непроизвольно пожелала выжить, когда падала между мирами. Осталось два желания на четверых.

- На четверых? - переспросила я.

- Нас, твоих истинных, четверо, - пояснил оборотень. - Каждый из нас проклят. Ты должна снять это. Успеешь за месяц - останешься в Тенесвейне, получишь магию и молодость навсегда. Не успеешь - вернешься в свой мир старой, какой была. Есть еще третий вариант - умрешь, не пройдя весь путь.

Я стояла на поляне под двумя солнцами, рядом со странным красавцем, оказавшимся моим истинным. Я совершенно не хотела умирать, да и возвращаться в свое старое тело тоже.

- Показывай дорогу, - сказала я, и Тенеслав кивнул.

Он развернулся и пошел в лес, не оглядываясь, словно был уверен, что я пойду за ним. И я пошла, потому что выбора у меня действительно не было. Мы шли по лесу около часа, и за это время Тенеслав не проронил ни слова. Иногда он останавливался, поворачивал голову ко мне, и в такие моменты становился пугающе похож на птицу - та же резкая, отрывистая подвижность, тот же немигающий взгляд.

Лес в Тенесвейне оказался не похожим на земные леса - деревья здесь росли не только вверх, но и в стороны. Ветви переплетались в плотные узлы так, что сквозь кроны почти не пробивался свет. От этого внизу царил вечный сумрак, в котором я различали странные силуэты. Грибы светились зеленым фосфоресцирующим светом, разбросанные по мшистым кочкам, и от этого лес казался усыпанным изумрудными звездами, упавшими с неба прямо в траву.

- Мы пришли, - сказал Тенеслав, останавливаясь перед огромным дубом, в стволе которого была вырезана дверь.

Он толкнул ее, и она открылась внутрь, пропуская нас в просторную комнату, освещенную десятками свечей, плавающих в хрустальных шарах, подвешенных к потолку. В комнате находились трое мужчин. Первый сидел в глубоком кресле у камина. Этот мужчина был похож на ожившую статую - его кожа отливала перламутром, волосы были цвета спелой пшеницы и падали на плечи мягкими волнами, а глаза сияли яркой фиолетовой синевой. Уши у него были заостренными, как лепестки ириса, и на каждом висело по три серебряных кольца с крошечными изумрудами. Он был прекрасен. Настоящий эльф из книг.

Второй мужчина стоял у противоположной стены, прислонившись спиной к каменной кладке. Он был полной противоположностью первому - с огненными волосами, собранными в низкий хвост на затылке, и кожей цвета золота, покрытой тончайшей сетью золотистых чешуек, которые поблескивали при каждом его движении, как драгоценная броня. Он сжимал в руке кусок черного металла и, когда я вошла, резко разжал пальцы. Металл упал на каменный пол с глухим стуком, и на том месте, где его касались пальцы, остались обугленные, дымящиеся следы.

Третий лежал на широком кожаном диване. Он поднял голову, и я увидела, что это взрослый мужчина с лицом, выточенным ветрами, с темно-синими, почти черными волосами и глазами цвета океана в шторм. Он был одет в тонкую рубашку из серебристой ткани, расстегнутую до пояса, и на его торсе перекачивались кубики пресса.

- Вот и наша спасительница, - произнес рыжеволосый мужчина с чешуей, и его голос оказался низким, с металлическим оттенком. - А я уж думал, Тенеслав сожрет тебя по дороге.

- Я не питаюсь сырым мясом, Пламеней, - холодно ответил мой провожатый, и я заметила, что он не снял руки с моего локтя, удерживая меня возле себя. - В отличие от некоторых, я умею контролировать свои инстинкты.

- Твои инстинкты, Тенеслав, - вмешался эльф, не поднимаясь с кресла, - заставляют тебя превратиться в ворона и ночами кружить над домами. Это не контроль, это одержимость.

Тенеслав ничего не ответил, но его пальцы сильнее сжали мой локоть.

Мужчина на диване медленно сел, свесив ноги на пол, и поднял на меня глаза. Его взгляд был тяжелым и печальным, как у человека, который давно смирился с неизлечимой болезнью и больше не ждет чуда. От этого мне стало не по себе - я привыкла к циничным убийцам и расчетливым преступникам, но никогда не встречала такого бесконечного, всепоглощающего отчаяния в глазах.

Он открыл рот, пытаясь что-то сказать, но из горла вырвался только сиплый, свистящий выдох, похожий на скрип старой двери. Я поняла, что этот мужчина не может говорить - не потому, что у него повреждены связки или язык, а потому, что сама природа лишила его голоса, оставив одну лишь безмолвную тоску, которую невозможно выразить.

- Его зовут Волнар, - пояснил эльф, увидев мой интерес. - Он из глубоководного народа. Его проклятие - потерянный голос. Когда-то его песни заставляли плакать камни и останавливать реки, а теперь он не может даже позвать на помощь.

- А ты? - спросила я, обращаясь к эльфу. - Какое твое проклятие?

- Меня зовут Вельзлат, - ответил он, и в его голосе была вежливость, за которой не чувствовалось никаких эмоций. - И мое проклятие в том, что у меня нет чувств. Моя бабушка, великая колдунья, заколдовала меня за мое нежелание послушаться ее. С тех пор мое сердце не бьется, и я не чувствую ничего - ни любви, ни ненависти, ни страха, ни боли.

- А я Пламеней, - рыжеволосый мужчина шагнул ко мне, и я почувствовала жар, исходящий от его тела, как от только что затушенной печи. - Мое проклятие в том, что все, к чему я прикасаюсь, сгорает. Металл превращается в труху, дерево в пепел, кожа покрывается вол-

дырями. Я не могу обнять женщину, не могу взять за руку ребенка, не могу даже погладить собаку, потому что любое мое прикосновение - это боль и смерть.

Я перевела взгляд на Тенеслава.

- Мое проклятие ты уже поняла, - сказал он, и в его серебряных глазах заплясали злые искры. - По ночам я превращаюсь в ворона и теряю человеческую память, становясь обычной птицей, которая боится кошек и охотится на червей. Днем я возвращаю себе разум, но каждую ночь я умираю как личность и рождаюсь заново на рассвете. Так продолжается уже триста лет.

- Триста лет, - повторила я вслух, и эта цифра ударила по сознанию.

- Нам нужно решить, с кого начнем, - сказал Вельзлат. - У нас месяц, и мы не можем тратить время на пустые споры. Тенеслав, ты нашел и привел ее, думаю, с тебя и начинать.

Мужчина кивнул, и я почувствовала, как его пальцы на моем локте слегка расслабились, но руку он так и не убрал.

- Ко мне ехать через Молчащие Болота, - произнес он. - К бывшей невесте Ветре. Это она прокляла меня, и только она сможет снять проклятие. Если она снова не согласится, то ты используешь одно из желаний, - ответил Тенеслав, и в его голосе прозвучала горечь, которую он, старательно прятал за маской равнодушия. - Или я останусь вороном навсегда.

Пламеней хмыкнул и отошел к окну. Волнарь опустил голову и закрыл глаза, и в его позе было столько безнадежного смирения, что мне захотелось подойти и пожалеть его.

- Тебе нужно отдохнуть, - сказал Вельзлат, поднимаясь с кресла. - Тенеслав, ты отвечаешь за нее сегодня до ночи. После кто-то из нас тебя сменит. Ведь ты снова превратишься в ворона.

Оборотень ничего не ответил, только кивнул, и я поняла, что какое-то время мне предстоит провести в компании этого молчаливого, хищного мужчины с птичьими повадками.

Глава 2

Комната находилась в конце коридора, вырубленного прямо в стволе огромного дерева. Ее стены были живыми - кора мерцала зеленоватым светом, а с потолка свисали гроздья свешившихся грибов, заменявших светильники. Посередине стояла кровать, такая огромная, что на ней могли бы уместиться пятеро. Тенеслав вошел следом за мной и закрыл дверь, и я услышала, как щелкнул массивный деревянный засов, отрезая нас от остального мира.

- Раздевайся, - сказал он без предисловий, в его серебряных глазах уже разгорался огонь.

- Зачем? - спросила я, хотя сердце забилося быстрее, разгоняя горячую кровь по молодым венам.

- Я должен проверить, не наложил ли кто-то на тебя порчу во время перехода между мирами, - ответил оборотень, делая шаг ко мне. - Чужая магия может убить тебя во сне. Я не хочу потерять свой единственный шанс на исцеление из-за того, что постеснялся раздеть женщину.

Это была ложь, и мы оба это знали, но я не стала спорить, потому что внутри меня уже просыпалось чувство, которое я так долго подавляла в своей прошлой жизни. Я медленно сняла юбку, расстегнула пуговицы на рубашке, и ткань скользнула с плеч, упав к ногам легким облаком. Под рубашкой не было ничего, и моя новая грудь, высокая и полная, с стоячими сосками, предстала перед серебряными глазами Тенеслава во всей красоте. Тенеслав замер, разглядывая меня с такой пристальной внимательностью, что мне стало жарко.

Он взял меня за плечи и развернул спиной к себе, провел пальцами от лопаток до поясницы, и я вздрогнула от этого прикосновения. Его пальцы скользнули ниже, к ягодицам, сжали упругую плоть, и я невольно прогнулась в пояснице, подставляясь под эти ласки, хотя в голове еще теплилась мысль, что это неправильно, что он мне чужой.

- Какая же у тебя шелковая кожа, - произнес Тенеслав. - Триста лет я сплю днем. А ночами летаю в виде ворона.

Он провел пальцами по моим ребрам, затем по животу, и я замерла, когда его ладони легли на мою грудь. Большими пальцами он очертил круги вокруг сосков, не касаясь их, но даже это заставило низ живота сжаться в тугий узел, а между ног стало влажно и горячо.

- Никакой порчи, - сказал он, с жалостью убирая руки, и я чуть не застонала от потери таких желанных пальцев на своей коже. - Ты чиста. Можешь одеваться.

Я медленно натянула рубашку обратно, чувствуя, как ткань трется о соски, все еще затвердевшие и чувствительные, и как низ живота продолжает пульсировать неутоленным желанием. Тенеслав отвернулся к окну, и я заметила, как напряжены его плечи - он тоже сдерживался, и это знание почему-то обрадовало меня.

- Ложись спать, - сказал он, не оборачиваясь. - Завтра рано вставать. Вначале нам придется посетить Ведану - колдунью, от которой мы узнали про снятие проклятий. Она должна дать тебе напутствие. Потом отправимся в мои Болота.

Я легла на огромную кровать, натянув на себя тонкое одеяло, закрыла глаза, но заснуть не могла - слишком сильно стучало сердце, слишком горела кожа там, где меня касались пальцы оборотня, слишком сладко ныло внизу живота. Руки Тенеслава напомнили о том, как давно я не была с мужчиной и как сильно, оказывается, я этого хотела. Просто запрещала себе, пряталась за работой, за маской никого не подпускающей женщины.

Тенеслав сел на стул у двери, скрестил руки на груди и закрыл глаза. Он не спал, а охранял мой сон, как и обещал Вельзлату. В свете мерцающих грибов его лицо было прекрасно - хищное и чужое. Я вдруг подумала, может быть, Ларец выбрал меня не случайно, потому что в этой новой жизни, в этом новом теле, с этими четырьмя проклятыми мужчинами, возможно, я наконец смогу стать той, кем всегда хотела быть, но боялась.

Глава 3

Проснулась я оттого, что кто-то нежно гладил мои волосы, и это прикосновение было таким легким и осторожным, словно человек боялся разбудить меня, но одновременно не мог удержаться от того, чтобы не касаться моих золотистых прядей, рассыпавшихся по подушке. Я приоткрыла глаза, увидев Тенеслава. Он сидел на краю кровати и смотрел на меня своим серебряным взглядом.

- Доброе утро, - сказала я.

Тенеслав ничего не ответил, только наклонился и поцеловал меня, и его губы задержались на моей коже на несколько секунд дольше, чем требовалось для простого приветствия.

- Вставай, - произнес он отстраняясь, и в его голосе снова появилась привычная сдержанность, хотя глаза еще хранили отблеск нежности.

Я села на кровати, стягивая вырез рубашки на груди. Оборотень заметил мое движение и усмехнулся.

- Я уже все видел вчера, - напомнил он, вставая и направляясь к двери. - И не только видел. Одевайся, завтрак будет через полчаса. Пламеней готовит, и если мы опоздаем, он обидится и будет дуться весь день. А это зрелище еще то - здоровенный мужик с чешуей на скулах и обидой в золотистых глазах.

Когда я вышла в общую комнату, все четверо уже сидели за столом, и при моем появлении каждый отреагировал по-своему: Тенеслав просто кивнул; Вельзлат поднял на меня свои фиолетовые глаза, равнодушно скользнув взглядом по мне и тут же отвернувшись к окну; Волнар улыбнулся своей безмолвной, печальной улыбкой и подвинулся на лавке, освобождая мне место рядом с собой; а у Пламеней золотистые глаза загорелись изнутри оранжевым светом, когда он посмотрел на меня.

- Садись, - сказал Пламеней, указывая на место рядом с Волнарем. - Я испек лепешки с медом. В твоём мире такие едят?

- Едят, - ответила я, садясь на указанное место, и почувствовала, как Волнар осторожно, положил свою ладонь на мою руку, лежащую на столе.

Передо мной появилась огромная тарелка, на которой дымились румяные лепешки, политые золотистым и прозрачным медом, с легким пряным ароматом. У меня тут же свело желудок и потекли слюнки от желания попробовать это немедленно. Я отломил кусочек лепешки, отправила в рот и зажмурилась от удовольствия - тесто оказалось рассыпчатым, нежным, оно таяло на языке, оставляя после себя сладкое послевкусие.

- Вкусно? - спросил Пламеней.

- Очень, - ответила я, прожевывая второй кусок. - Ты умеешь не только жечь металл, но и печь лепешки. Это редкое сочетание талантов.

Пламеней хмыкнул и отвернулся к печи, но я заметила, как кончики его ушей, покрытые мелкими золотистыми чешуйками, порозовели.

Завтрак прошел в молчании. Тенеслав пил какой-то травяной отвар из глиняной кружки и смотрел на нас с Волнарем тяжелым, ревнивым взглядом, но ничего не говорил. Вельзлат ел механически, без всякого удовольствия, как человек, который уже давно забыл вкус еды и поглощает ее только потому, что этого требует тело.

Когда мы закончили, Тенеслав встал.

- Идти нужно сейчас, - сказал он. - Потому, что время у нас ограничено - месяц пролетит быстро.

Мы вышли из дома, и я увидела Тенесвейн при солнечном свете. Вчера, когда я шла по лесу, я разглядела только деревья да светящиеся грибы, а сегодня передо мной открылась долина, покрытая изумрудной травой, с холмами, на которых паслись странные животные. Они

были похожи на оленей, с серебристой шерстью и длинными, закрученными рогами, переливавшимися всеми цветами радуги на солнце. Вдалеке виднелись горы с заснеженными вершинами. Над всем этим великолепием висели два солнца - медное слева, серебряное справа. Их лучи смешивались в причудливый золотисто-белый свет, который делал каждый предмет, каждую травинку, каждую каплю росы на лепестках цветов похожими на драгоценности, рассыпанные по бархатной скатерти.

Ведана жила в Западной башне - огромном строении из серого камня, которое возвышалось на самом высоком холме. К нему вела узкая тропинка, выложенная белыми камнями. Они светились изнутри, будто под ними горели маленькие лампочки. Мы поднялись по дорожке. Я чувствовала, что сейчас должно было произойти что-то важное, что-то, что определит мою судьбу в этом мире. от этого у меня сосало под ложечкой, как перед самым опасным заданием в прошлой жизни.

Внутри башня оказалась пустой - никакой мебели, никаких ковров и гобеленов, только голые каменные стены и винтовая лестница, уходящая настолько высоко, что я не видела, где она кончается. Мы поднялись на самый верх, и там, в круглой комнате с огромными окнами, выходящими на все четыре стороны света, на полу сидела женщина, которая, как я поняла, и была Веданой. Она была старой, ее кожа напоминала пергамент, испещренный тысячами морщин. Волосы, белые как снег, падали на плечи длинными прядями. Но глаза у нее были молодые - ярко-зеленые, с вертикальными зрачками, как у кошки или у ящерицы, и они смотрели на меня с такой мудростью, что мне захотелось опустить взгляд. Я заставила себя смотреть прямо.

- Подойди, Мира, - сказала Ведана, она знала мое имя. Ее голос звучал неожиданно молодо и звонко, как у девушки, хотя губы, произносившие эти слова, были сухими и потрескавшимися от времени. - Я ждала тебя.

Я подошла и опустилась на пол напротив нее. Мои спутники замерли у входа, не решаясь войти в круг, очерченный на полу тускло светящейся серебряной линией.

- Ты знаешь, зачем здесь? - спросила Ведана, и ее зеленые глаза впились в меня, как два острых кинжала.

- Как мне объяснили, чтобы снять проклятия с четверых мужчин, - ответила я. - У меня осталось два желания, которые дал Ларец, и месяц времени. Я должна успеть помочь всем, иначе вернусь в свой мир старой и дряхлой или умру.

- Все верно, - кивнула Ведана. - Но есть то, чего ты еще должна знать. Желания - это не просто магия. Каждое - отнимает часть твоей души, и если ты используешь их все, то навсегда потеряешь способность любить. Ты вернешься в свой мир не только старой, но и бездушной. Ну или умрешь.

- Что же мне делать? - спросила я.

- Не используй оба желания, - ответила Ведана, и ее морщинистое лицо стало серьезным. - Проклятия можно снять без магии ларца - через испытания, жертвы. Но сказать тебе, кому из твоих истинных нужна магия, а кому - нет, я не могу. Это ты должна понять сама. Иначе испытания не имеют смысла.

- А если я ошибусь? - нахмурилась я.

- Тогда кто-то из твоих истинных навсегда останется проклятым, - ответила Ведана, и в ее зеленых глазах мелькнула тень печали. - Или ты сама заплатишь за ошибку. Ларец не прощает неверных решений.

Я опустила голову, чувствуя, как тяжесть этого приговора давит на плечи.

- Я постараюсь, - сказала я тихо. - Не ошибиться.

- Постарайся, - ответила Ведана и закрыла глаза, показывая, что разговор окончен.

Я поднялась с пола, и вышла из круга, переступив через серебряную линию. Она погасла, как только я оказалась снаружи. Мои истинные ждали меня у лестницы.

- Ну что? - спросил Тенеслав, когда мы спустились вниз и вышли из башни в ослепительный свет двух солнц. - Что сказала Ведана?

- Сказала, что мне нельзя использовать все желания ларца. И что я должна сама понять, когда, - ответила я, глядя ему прямо в глаза. – А если я ошибусь, кто-то из вас навсегда останется проклятым, а я, либо потеряю возможность к любви, либо умру.

Тенеслав побледнел, Пламеней замер, Волнарь опустил глаза. И только Вельзлат остался бесстрастным, но я заметила, как его ресницы слегка дрогнули - первый признак эмоции, которую я заметила, потому что, смотрела на них как следователь на подозреваемых.

- Хорошо, - сказал Тенеслав. - Едем в Молчащие Болота. К Ветре. И, возможно, ты сможешь уговорить ее снять проклятие без использования желания.

Мы спустились с холма. Раздобыли четырех лошадей. Тенеслав усадил меня за свою спину, и мы тронулись в путь.

Глава 4

Пламеней ехал справа от нас на рыжем коне. Его золотистые глаза то и дело скользили в мою сторону. Каждый раз он отворачивался, когда я ловила его взгляд, делая вид, что рассматривает что-то вдаль. Волнарь следовал за нами на вороном коне. Вельзлат замыкал процессию. Его взгляд был устремлен куда-то вверх, на два солнца, которые медленно ползли по небу.

Первый привал мы сделали через несколько часов, когда лошади начали уставать и дорога пошла вверх, поднимаясь на невысокий холм. С него открывался вид на бескрайнюю долину, уходящую к горизонту, где медное и серебряное солнца почти касались друг друга. Тенеслав спрыгнул с лошади и протянул мне руку, помогая слезть. Когда мои ноги коснулись земли, я почувствовала, как затекли мышцы от долгой езды в непривычной позе.

- Больно? - спросил Тенеслав, он заметил, как я поморщилась и сделала первый шаг.

- Терпимо, - ответила я, хотя на самом деле ноги болели очень сильно. Я мечтала только об одном - сесть на траву и не вставать.

Тенеслав, не спрашивая разрешения, подхватил меня на руки. Я вскрикнула от неожиданности, обхватив его за шею. Его губы тронула легкая улыбка. Он понес меня к небольшому ручью, журчавшему внизу холма, куда уже отправились остальные. Пламеней сразу стал разводить костер. Он просто поднес руку к сухим веткам, и те вспыхнули ярким пламенем. Волнарь достал из сумки фляги с водой и лепешки, оставшиеся после завтрака. Он махнул рукой, приглашая всех жестом поесть. Вельзлат сел поодаль, прислонившись спиной к стволу старого дуба. Его лицо было таким прекрасным, что я залюбовалась им.

Тенеслав опустил меня на траву у самого костра. Тепло от огня проникло сквозь ткань, согревая затекшие мышцы. Усталость постепенно отпускало мое тело, уступая место приятной истоме. Мне хотелось закрыть глаза и просто лежать, слушая, как потрескивают ветки в костре.

- Расскажите о Ветре, - попросила я, когда все поели и отодвинулись от костра.

Тенеслав сидел рядом со мной, его колено касалось моего, и это прикосновение было мне приятным.

- Ветра была моей невестой триста лет назад, - начал он. - Она была красивой - черные волосы до пояса, темные глаза, фигура, от которой у мужчин перехватывало дыхание. Но ей было мало моей любви, она хотела власти. Власти над Болотами, над кланом. Естественно, я отказал - предложив только свою любовь и место супруги рядом. Тогда она подсыпала мне в вино сонное зелье, а когда я очнулся - уже был вороном. И каждую ночь с тех пор я превращаюсь в птицу. В таком виде мне запретили управлять кланом, я покинул его. Чтобы в странствиях узнать, как снять мое проклятие. И власть все равно не досталась ей, так как королем стал мой брат. А он уже был женат и имел троих детей от другой женщины.

- Ты хочешь отомстить ей? - спросила я.

- Уже нет, - ответил Тенеслав, и в его голосе не было ненависти, только глубокая, вековая усталость. - За триста лет я простил ее, и хочу только спокойно спать ночью.

- Я обещаю тебе. Мы уговорим Ветру, и она снимет проклятие.

Тенеслав повернулся ко мне.

- Спасибо, - сказал он.

Он наклонился и поцеловал меня - быстро, будто боялся, что я оттолкну его. Но я не оттолкнула, а наоборот, прильнула к нему. Его рука скользнула по моей спине, прижимая ближе, а его губы, теплые и мягкие, накрыли мои. В этот момент я забыла все на свете, потому что в этот момент существовал только он, Тенеслав, мой истинный, мой ворон, мой проклятый принц.

- Оставьте хоть немного воздуха для нас, - раздался голос Пламеней, и я отстранилась, чувствуя, как горят щеки, а внизу живота разливается волна желания. - Ваши нежности отбивают аппетит.

Тенеслав неохотно отпустил меня, и я увидела, как его глаза почернели от страсти.

- Завидуешь, Пламеней? - спросил он, и в его голосе прозвучали нотки соперничества. - Можешь попробовать поцеловать сам, если она позволит.

Пламеней посмотрел на меня, и в его золотистых глазах загорелся тот самый огонь, который я видела в них при первой встрече - голодный, жадный, нетерпеливый.

- Позволит? - с горечью спросил он. - Ты специально издеваешься? Ты же знаешь, что я не могу ни до чего дотронуться!

Я не успела ответить, потому что ко мне вдруг подошел Волнар. Он резко наклонился и поцеловал меня в губы.

- Вот видишь, - усмехнулся Тенеслав, - Волнар молодец. Не теряет времени. Он всегда умеет делать то, что другие боятся.

Вельзлат, который все это время сидел в стороне, посмотрел на меня своими фиолетовыми глазами, и я увидела в них досаду.

- Хватит нежностей, - сказал он. - Завтра тяжелый день. Нам нужно выспаться.

Пламеней вздохнул, но не стал спорить. Волнар, недовольно оторвался от моих губ и кивнул. Тенеслав поднялся с травы и протянул мне руку, помогая встать.

- Ты будешь спать со мной, - сказал он, и это было утверждением. - Все равно я скоро обращусь в ворона.

Никто из мужчин не возразил. Мы легли на расстеленные на траве плащи - Тенеслав опустился рядом. Его рука легла на мою талию, пальцы начали медленно, почти незаметно, гладить мою кожу через ткань рубашки, и от этих легких, едва ощутимых прикосновений по телу снова разошлось желание.

- Спи, - прошептал он мне в волосы.

Его губы коснулись виска, а тело, прижатое к моему, становится все горячее, все напряженнее, пальцы сжимали мою талию сильнее, чем требовалось для простого объятия. Я закрыла глаза, чувствуя, как его рука скользит выше, к моей груди.

- Тенеслав, - прошептала я.

- Спи, - повторил он, но его рука легла на мою грудь и стала ласкать ее.

Сосок затвердел под его ладонью. Низ живота сжался в тугий, горячий узел, который требовал разрядки. Но он не стал продолжать. Опустил руку на живот и замер. Я еле сдержалась, чтобы не выругаться. Вскоре, Тенеслав покинул меня, он взвился птицей в ночное небо. Я постепенно погрузилась в сон. А в нем Тенеслав целовал меня. Мои губы, шею, грудь, живот, бедра, а я стонала от удовольствия.

Проснувшись я от утренних лучей. Тенеслав уже снова стал человеком и поил лошадей у ручья. Он показался мне таким сильным, таким красивым, таким чужим и одновременно таким желанным, что снова побежала горячая волна где-то внутри.

Волнар собирал в сумку пожитки. Вельзлат стоял у дерева, глядя на восходящие солнца, и его профиль был безупречным. Ко мне подошел Пламеней.

- Вставай, - сказал Пламеней, протягивая кружку с чаем. - Дорога будет долгой. Мы должны добраться до Болот до заката, иначе Тенеслав снова превратится в ворона и не сможет противостоять засасывающему болоту.

Я села на траве, чувствуя, как между ног все еще пульсирует неутоленное желание, которое Тенеслав разбудил во мне ночью и не дал ему завершиться.

Глава 5

Тенеслав всю дорогу молчал и только иногда сжимал мою руку сильнее обычного. Наконец он подал голос.

- Мы на месте, - сказал он, останавливая лошадь. - Дальше только пешком. Будем прощупывать путь.

Лесная тропа резко перешла в болотистую местность. Темная жижа просачивалась сквозь мох. Все слезли с лошадей и повели их за собой.

- Держись за меня, - сказал Тенеслав, протягивая мне руку. Я взялась за его ладонь, чувствуя, как его пальцы сжали мои.

Мы двинулись вперед. Идти было трудно - ноги утопали в мягком, податливом мхе. Казалось, он хватал за ступни, пытаясь утянуть вниз, в черную, маслянистую жижу, дышавшую смертью. Пламеней шел первым. Его золотистые чешуйки на скулах и руках вспыхивали изнутри оранжевым светом, когда он случайно наступал на опасные места. От его ног исходил легкий дымок, высушивавший трясину и делавший дорогу чуть более твердой для остальных. Волнарь замыкал нашу процессию, и я слышала его тихое, едва уловимое дыхание, которое почему-то успокаивало меня.

- Сколько еще? - спросила я, когда солнце начало клониться к горизонту и тени стали длиннее.

- Час, не больше, - ответил Тенеслав. - Должны успеть до заката.

Так и получилось. Мы благополучно миновали страшную трясину без последствий. Поселок оказался маленьким и серым - десятка два домиков, сколоченных из почерневшего от времени дерева, с узкими окнами, затянутыми пузырячатой пленкой вместо стекла, с крышами, покрытыми мхом, который свисал вниз длинными, седыми прядями, похожими на волосы старух. Жители поселка, завидев нас, вышли из домов. Они смотрели на Тенеслава как на привидение, вернувшееся из мертвых, чтобы наказать живых за их грехи.

- Князь вернулся, - прошептал кто-то из толпы, и этот шепот разнесся по всей улице. - Князь Тенеслав вернулся.

Тенеслав не обращал на них внимания, он смотрел только вперед, туда, где стоял дом побольше остальных, с резными наличниками на окнах и с крыльцом. В нем жила Ветра.

- Ветра там? - спросил Тенеслав у ближайшего мужчины.

- В доме, князь, - ответил мужчина, не поднимая глаз. - Она почти не выходит очень давно. Сильно болеет.

- А как мой брат?

- Ваш брат... - замялся мужчина. - Он отошел в мир иной несколько десятилетий назад. Тварь с болот убила его.

Я почувствовала, как рука Тенеслава, сжимавшая мою, задрожала. Он не ожидал этого.

- Я пойду вначале один, - сказал Тенеслав, отпуская мою руку, направляясь к дому Ветры.

Я рвнула было за ним, но Волнарь положил руку мне на плечо, останавливая. Через некоторое время, которые показалось мне вечностью, Тенеслав вернулся - бледный и взволнованный, и я поняла, что разговор состоялся.

- Она боится, - сказал Тенеслав, подходя ко мне и снова беря меня за руку. - Она боится, что если снимет проклятие, я убью ее. Она боится, что я выгоню ее из клана. Она боится, что жители поселка отвернутся от нее. Она боится всего.

- Что ты ей сказал? - спросила я.

- Что не убью, - ответил он. - Что хочу только одного - чтобы она сняла проклятие, и мы разошлись каждый своей дорогой. Она ответила, что подумает до завтра.

Я кивнула, и мы пошли к дому, который нам указали для отдыха - маленькую, тесную избушку на краю поселка. Там нас ждали жесткие лавки и грубые шерстяные одеяла, но я была такой уставшей, что могла бы уснуть и на голой земле.

Тенеслав лег рядом со мной. Я прижалась к нему.

- Завтра все решится, - прошептал он, и я кивнула, уже засыпая,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.